

УДК 81'282

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ВОСТОЧНОГО
ЗАБАЙКАЛЬЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ**

© 2009 г.

*Т.Ю. Игнатович*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского

ignatovich_chita@mail.ru

Поступила в редакцию 28.09.2009

На примере русских говоров Восточного Забайкалья вторичного образования рассматривается современное состояние частных диалектных систем, в которых сохраняются диалектные особенности материнских основ, а также сформировались специфические региональные черты.

Ключевые слова: русские говоры вторичного образования, севернорусские и южнорусские диалектные черты, влияние языков коренных народов Восточного Забайкалья.

**Фактор материнской основы:
сохранение различительных особенностей
русских говоров Восточного Забайкалья
севернорусского и южнорусского
происхождения**

Исследование современного состояния русских говоров Восточного Забайкалья показывает определённую степень сохранения различительных особенностей, доставшихся данным говорам от материнских основ, выявляет наличие черт, развившихся в местных условиях под влиянием языков коренных народов, а также свидетельствует об активности интеграционных процессов, обусловленных таким общемировым явлением, как глобализация.

Русские говоры Восточного Забайкалья относятся к говорам вторичного образования. Формирование их началось со второй половины XVII века с приходом на территорию Забайкалья первых русских поселенцев. В языковом отношении забайкальские русские говоры имеют различия в материнской основе. В центральных районах Забайкальского края, на территории раннего заселения (Нерчинский, Шилкинский, Балейский, Ононский районы), бытуют старожильческие говоры, сохраняющие черты севернорусского происхождения, повсеместно распространены говоры среднерусские переходные, либо развившиеся в результате влияния на говор севернорусской основы переселенческого среднерусского говора, литературного языка, либо изначально имевшие смешанный среднерусский характер, в частности на территории, осваивавшейся в более поздние сроки. На юго-западе региона в Красночикойском рай-

оне есть ареал функционирования старообрядческих говоров южнорусской основы («семейские говоры»), предки носителей которых осваивали эту территорию с середины XVIII века, здесь же встречаются старожильческие, называемые «говорами сибиряков».

Диалектное пространство Восточного Забайкалья представляет собой сложную картину, так как в ходе саморазвития русские говоры Восточного Забайкалья подвергались разноплановому языковому влиянию.

Несмотря на это, в настоящее время в регионе сохраняются различительные особенности говоров севернорусского и южнорусского происхождения, унаследованные от материнских диалектных языков, они в большей степени проявляются в фонетической и грамматической системах. В лексике, в связи с ведением однотипной хозяйственной деятельности и длительным соседством, произошло освоение значительного количества слов севернорусского происхождения носителями южнорусского говора.

В лексике русских говоров севернорусской материнской основы сохраняется пласт слов севернорусского происхождения, например: *квашня, шаньги, вышка, куть, ленивка, поскотина, корчага, чуман, ушкан* и т.п. В ряде русских говоров Восточного Забайкалья севернорусского происхождения, в прошлом окающих говоров, полное оканье и еканье можно наблюдать, однако в меньшей мере, чем это было в 70-е годы прошлого столетия, и то в речи архаического слоя диалектоносителей, неполное оканье и еканье зачастую даже в речи одного диалектоносителя сосуществуют с аканьем и

иканьем, часть говоров сохраняет в фонетической системе позиционную мягкость шипящих: [ж'и]ли, [ж'е]нищина, [ш'е]сь, [ш'и]нишка, что давно было утрачено в литературном языке, и твердость долгих шипящих: во[ж:ы], я[ш:ы]к, та[ш:ы]ла, е[ш:о]. Как остаточные материнские черты во многих старожильческих говорах в отдельных лексемах отмечается произношение [е] на месте [а] под ударением между мягкими согласными: *опеть, гресь, мечик*, спорадически встречается в речи архаического слоя носителей говоров лексикализованное с ударным [и] произношение слова *север*: на [с'и]вер, лексикализованное произношение с ударным [а] корня сел-: [с'а]ль, при[с'а]ли повсеместное вариантное произношение слова *есть* в значении «принимать пищу» с ударным [е] и с ударным гласным [и]: *есть, исть, ись*, произношение сочетания [мн] вместо [вн]: *мнук, дамно, диремня*, утрата взрывного [т] в сочетании [ст], [с'т'] на конце слова: *мос, кус, хвос, чась*; следы ассимиляции согласного с [j] в виде употребления двойных мягких согласных либо с сокращением долготы согласного: *вало[с'с'а], стака[н'н'а], пла[т'а], на[л'ои]*, замена [к] на [х] в сочетании [кт]: [хт]о, до[хт]ор, произношение твердого губного в конце слова: *се[м], бро[ф], прору[н]*, на наличие бывшего неразличения аффрикат /ц/ и /ч'/ указывает произношение твердого [ч]: [чу]гушка, [чу]шка, ру[ч]на, ши[ча]с и др.

В морфологической системе также заметны диалектные особенности, привнесенные из материнских говоров, и новации, поддерживаемые в своем существовании как системные явления, так как шире, чем в литературном языке, представлены тенденции развития – процессы унификации, т.е. выравнивание основ в грамматических формах, выравнивание грамматических форм в парадигмах. Так, в русских говорах Восточного Забайкалья севернорусского происхождения выравнивание системы формообразования наблюдается как между типами склонения, так и внутри типов.

Среди известных трёх типов склонения имён существительных продуктивный мужской тип – 1 скл. (нумерация типов склонения академическая) влияет на существительные мужского рода, изменяющиеся в литературном языке по 2 скл., и они получают продуктивную модель формоизменения: *парнишка бросили, с парнишкой, у дедушка спросите, с дедушкой*. Разносклоняемое существительное м.р. *путь* также изменяется по 1 скл.: *около пути, по пути шёл*. В самой системе 1 скл. у существительных мужского рода в формах Р.п. и П.п. ед.ч. шире,

чем в литературном языке представлено окончание -у: в Р.п. за счет охвата большего круга значений Р.п., оно активно употребляется в словоформах неодушевленных существительных с вещественным или отвлечённым значением, распространяясь и на существительные, подлежащие счету: *нисём з базару, камуна до калхозу была, свету не былъ, ни видели оддыху, кваску папёш, табаку насаживали, хворасту тварят, ладиш с маку, снегу на ём было, возли беригу, два саду, з базару, ис калхозу, для самавару труба, с метру ростиком, из огороду принёс*; встречается не только у существительных нарицательных, но и у собственных: *там нету Онону, возли Чирону*. Окончание -у наблюдается преимущественно в безударной позиции после твердых согласных: *от ветру, да поту, снегу нет, из лесу вазили, из носу, у зароду, ат смеху, хлебу не былъ, бывало народу*, зафиксированы случаи употребления в ударной позиции: *две (машины) пескУ, кирпичУ не былъ, да виликава пастУ, акрамя мастУ, табакУ много садили, кваскУ папёш*. Примечательно, что весьма часто встречается -у не только в односложных основах, но и в многосложных, например: *кала дому, боле году, из меху, да метру прамирзат, рису нету, жиру навизёт – кирпичу не былъ, для самавару, многа народу была, калхозу напугались, послы абеду, из огороду, с холоду страдаш, голъду и холъду пиринисли, нада хлебушку, возле беригу, фсё з базару, биз дасмотру, для запаху, пиририву нету, перчику патсыпят*. Наблюдается употребление с этой флексией в Р.п. существительных ср.р. с ударением на основе, например: *из дериву, бис салу, с месту, из мясу, ни чирёмки, ни яблаку, ни баярки не было*, что не свойственно литературному языку.

В П.п. формы с окончанием -у отмечены также у неодушевлённых существительных, как нарицательных, так и собственных, например: *на лугу, на палу, на моём дворе, ф клубу работат, ф хлебу писку-ть не было, в этом доме, в аднем палку были, работат в лису, ф пагрибу спрятался, ф тем баку балит, ф прошлём гаду, в глазу, ф шкапу лижит, в апуску был, в лукУ растёт, на палу спали, на таку, ф тем крайу, ф прастом даму, на лугу растёт, на вазу вазили, на льду, в этом калхозу работаю, ф Китайу был, ф Чирону жил*. В большинстве случаев в исследуемых забайкальских говорах окончание -у в П.п. присуще существительным с односложной непрямой основой, например: *на палУ, в глазУ, ф шкапУ, на лбУ, на льдУ*, при этом оно является ударным; реже с -у встречаются словоформы существительных многосложных основ: *на биригУ, ф погрибУ, в этом*

калхОзу, на трАнспърту, ф КитАйу – как с ударным, так и безударным окончанием. На выбор вариантов окончаний в данных говорах не влияет наличие или отсутствие определения при имени существительном: ф прастом даму, в даму, ф тем крайу, на жилезнъм балту.

Продуктивным женским типом является 2 скл. Существительные женского рода 3 скл., подпадая под влияние падежных форм существительных 2 скл., изменяются по 2 типу: по грязе, на пече, в пече, в дале, в постелю, с болезней, к дочери, параллельно сохраняя и свои исконные формы: из жерди, без вести, к ночи. В забайкальских диалектах севернорусского происхождения наблюдаются случаи употребления ударной флексии -е в формах П.п. существительных, относящихся в литературном языке к словам с постоянным ударением на основе: в солЕ, в частЕ (в чАсти), в памятЕ, при этом ударная флексия отмечается в словах как с односложной основой, так и с многосложной. По 2 скл. преимущественно изменяется существительное *церковь*: *церква была пристольна, в церкву привезли, с церковой*. Наряду с существительным *дочь* активно употребляется вариант *доча*: *у дочи, к доче, с дочей*. Внутри 2 скл. в старожильческих забайкальских диалектах в форме Д.п. и П.п. встречается ударное окончание -ы /-и: *к весны, на реки*, развившееся в результате выравнивания форм Р.п. – Д.п. – П.п. по форме Р.п.

Во мн.ч. в Им.п. встречаются как формы с окончаниями -ы -и: *внучаты, ребята, ситы, кольца, кины, дома*, так и формы с окончаниями -а /-я: *знахаря, стаканья, дочеря*. В Р.п. мн.ч. шире, чем в литературном языке, представлены формы на -ов /-ев: *из ноггов, змеев, зимовьев, фамилев*, на -ей: *братей, стулей, братовой*. В Тв.п., наряду с окончанием -ами, отмечается унифицированная форма по форме Д.п. с окончанием -ам: *с ребятнишкам, рукам взяли*. Общая форма для Д.п. и Т.п. во мн.ч., помимо существительных, распространяется на прилагательные и местоимения: *к своим рукам – своим рукам всё делали, воду большим вёдрам носили*. В П.п. мн.ч. при преобладании формы на -ах встречаются формы с окончанием -ев, -ех: *на конеф, на конех*.

Среди имен прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных широко употребляются формы, утратившие интервокальный [j], пережившие ассимиляцию и стяжение гласных: *бравя девка, рясна ягода, бестужа скотина, така жись, перва забота*. В склонении имён прилагательных и местоимений наблюдается совпадение форм Тв.п. и П.п. ед.ч.:

в *Нерчинском районе, в этом доме, в каком-то лесу*. У личных местоимений 3 л. сохраняется [j] при употреблении с предлогами: *с ей, к ему, к им*. Широко употребляется форма 3 л. мн.ч. в Им.п. с окончанием -е: *оне*.

Утрата интервокального [j] и стяжение гласных отмечается в личных глагольных формах: *знат, быват, делам*. В системе форм глагола широко представлено выравнивание глагольной основы по основе на задненёбный согласный: в основе инфинитива – *пекчи, берегчись, стригчись*, в основах личных форм – *пекёшь, текёт, стригём, не берегётесь*, по основам на зубной согласный: *свистю, бросаю, сидю*. Встречается употребление со значением несоверш. вида глагольной основы без суффикса -ва: *полиём мы её*. Рассмотренные диалектные проявления в забайкальских говорах носят системный характер и поддерживаются общими языковыми тенденциями, аналогичные явления наблюдаются во многих сибирских говорах севернорусской основы.

Яркие диалектные особенности сохраняются и в современных «семейских» говорах: лексика южнорусского происхождения: *дежа, передня, поветь, омшаник, монисты* и подобн., наблюдаются южнорусские диссимилятивное аканье с разрушающейся диссимилятивностью: [*работал'и, схаран'ила, пашл'и, разгавар'ивал'и, жалан'ийь, жана, цапочка*], сильное яканье: [*пл'ал'и, л'ач'ил'и, р'аз'иньвьых, с в'асны, д'ат'ей, в'асной, п'ашком, зд'елайт'а, б'ада, л'акар'а*], фрикативный звонкий задненёбный: *чу[γ]унка, [γ]аланку, [γ]аварить, [γ]лядитя*, на конце слова возможно произношение [x]: *в плу[x], на кру[x]*. Отмечаются падежные формы существительных с заменой мягкого [x'] мягким [с']: *в руба[с'и], по оре[с'и]*. На месте фонемы /в/ встречаются материнские губно-губной [w] перед гласными: *тра[w]а, пра[w]а, свякро[w]у* и [ў] неслоговой в других позициях: *брё[ў]на, де[ў]ки, [ў] калхози, [ў]сё, дро[ў]*, перед начальными [о], [у] употребляется протетический [в]: [*вутром, [ву]рлафский, [ву]лица, [во]сна*, на месте [ф] произносят [хв] или [x]: *сара[хв]ан, [хв]анарь, [x]рукты, ва[x]ли*, на конце слова так же, как в говоре «сибиряков», наблюдается утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т']: *хвос, жись, кись*.

В «семейских» говорах также наблюдаются результаты процессов унификации грамматических форм. В форме Р.п. ед.ч. существительных женского рода на -а с твердой основой встречается окончание -е: *у жане, у сястре, после вайне, у стине*, что является южнорусской особенностью. Остаточной южнорусской материнской

чертой у этих существительных является окончание -ы в формах Д.п. и П.п.: *к сестры, к зимы, к вайны, на машины сидим*. Существительное *церковь* употребляется в двух вариантах: как существительное 3 скл. *церковь* и как существительное 2 скл. *церква: в церкви, в церкву*. Существительное ж.р. *пройма* зафиксировано как существительное м.р.: *с праймом*. Изменения в роде шире отражены в категории ср.р., которая, будучи слабым звеном, даёт колебания то в сторону м.р.: *молоко тоже был, долго письмо шёл, крыльцо старый*, то в сторону ж.р.: *мясу какую зарежишь*. Существительное *день* в сочетании с числительным *два* имеет окончание -и: *два дни*.

В Им.п. мн.ч. существительных встречаются и формы с окончанием -ы /-и: *домы, вароты, окны*, и формы с окончаниями -а /-я: *лякаря, валаса, вёдра*. В Р.п. мн.ч. активно функционируют формы на -ов /-ев: *манистов было, конеф не было* и на -ей: *без дахтарей*. В Тв.п. мн.ч. употребляются формы с окончанием -ами: *косами касили, лапатами капали*, зафиксирована форма с окончанием -амы: *рукамы стружыли манисти*. В П.п. мн.ч., наряду с окончанием -ах, встречается форма с окончанием -ех: *на этих конех*.

Личные местоимения *я* и *ты* и возвратное *себя* в Р.п. реализуются и в форме с окончанием -е: *у мене, у тебе, у тебе, у себе, у себе*, и в форме с окончанием -я: *у миня, у тебя, у себя*, в Д.п. местоимение *я* сохраняет основу без беглости гласного: *мине дали*. Личные местоимения 3 лица, сочетаясь с предлогами, не имеют начального [н'], сохраняя [j] или утрачивая его: *у ей, к иму, с имя, с ымя*. Широко употребляется форма 3 л. мн.ч. в Им.п. с окончанием -ы: *аны*. Любопытно, что это местоимение в Д.п. и Т.п. имеет унифицированную форму *имя: памагаем имя, с имя*. Инфинитивная форма глагола встречается с перенесением ударения на основу и редукцией гласного суффикса инфинитива: *ни-вазможно завесть*, в инфинитиве с корнем *ид-* наблюдается осложнение формы -ть: *итить в бальницу, зайтить*.

В системе личных форм глагола представлено выравнивание глагольных основ по основе на задненёбный согласный: *талкёш, пякём*, по основе на зубной согласный: *скипятю, сидю*, употребляются и формы с чередованием согласных в глагольных основах: *пяку – пячём, встречу – встретишь*. Активно себя проявляет форма 2 л. мн.ч. на -тя: *идётя, идитя, пириwitzя, убярётя*. Широко распространена форма 3 л. глаголов настоящего, будущего времени на -ть: *носять, надеёт, идёт, растут, сидят*.

Встречается употребление деепричастия с суффиксом -вши со значением не добавочного действия, а основного, в этом случае деепричастие выполняет функцию сказуемого: *Аны калоцы выкапавшы. Я с шести гадов аставши биз матери*. Рассмотренные диалектные особенности свидетельствуют о том, что говоры «семейских», оторвавшись от материнской основы более 200 лет назад и находясь всё время своего существования на забайкальской земле в условиях разных языковых контактов, сохранили свою самобытность.

В ходе развития русские говоры Восточного Забайкалья приобрели и ряд специфических диалектных особенностей, отличающих забайкальские диалекты от других говоров Сибири.

Фактор влияния автохтонных языков: формирование специфических региональных черт в русских говорах Восточного Забайкалья

Яркий региональный колорит русские говоры Забайкалья получили в результате воздействия языков коренных жителей, это нашло заметное отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков, а в ряде русских говоров проявляется и на фонетическом уровне.

Повсеместное освоение русскими частными диалектными системами большого количества лексических заимствований из бурятского языка, части слов из эвенкийского языка произошло вследствие того, что на момент освоения края русскими во второй половине XVII в. население региона состояло из нерчинских тунгусов, телембинских и аргунских тунгусов и хоринских бурят. В XVII – нач. XVIII в. самым большим родом всех Нерчинских тунгусов был род Баягир, представители его жили в районе современного г. Нерчинска по рекам Куренге, Газимуру, Унде и к северу от р. Шилка. Их соседями был род дулигатов (Дулигатский), обитавший, вероятно, по р. Дульдурга... Телембинские баягиры занимали земли от оз. Иргень на юго-запад по Хилку до водораздела с Чикоем [1, 39]. В настоящее время эвенки (тунгусы) как этнос проживают на севере Забайкальского края в Каларском, Тунгино-Олекминском, Тунгокоченском районах. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года [2, 44] эвенки (1492 человека) в 2002 г. составили 0,13% от всего населения Читинской области (с 2008 г. Забайкальский край), если сравнить с данными переписей 1989 г. – 0,1% и 1994 г. – 0,2% [3, 79], наблюдается снижение численности этого этноса. Родным языком считают язык своей на-

циональности эвенки – 13% (в 1994 г. – 14%), на других территориях региона эвенки либо обрусели, потомки их называют себя ороचनाми, либо обурятились и идентифицируют себя хамниганами. Исследователь этого этноса С.К. Патканов в начале прошлого века писал: «в Забайкальской области обращение тунгусов в христианство началось еще в XVII в., когда крестилась семья князей Гантимуровых и за ними многие инородцы из подведомственных ей родов... и в средней полосе Читинского округа православие приняла большая часть тунгусов Шундинской управы... В расположенной к востоку от нее более изолированной от русских Маньковской управе... тоже преобладали христиане... Южнее этих двух управ тунгусы... уже подпали под влияние бурят и исповедуют ламайскую веру» [4, 220–221]. Этнолог Д.Г. Дамдинов, рассматривая процесс ассимиляции эвенков, пишет: «В настоящее время обрусевшие дагуры-монголы и тунгусы разговаривают в основном на русском языке... Монголо-бурятский язык оказал сильное влияние на эвенкийские говоры Даурии... Урульгинский и Маньковский говоры представляли собой, по-видимому, нерчинский диалект тунгусского языка» [5, 49–50]. Эти данные свидетельствуют о том, что язык эвенков не мог оказать значительное влияние на формирующиеся в Восточном Забайкалье русские говоры. Эвенкийские заимствования сохранились в топонимической системе края и незначительно в бытовой лексике русских говоров региона.

В большей степени проявилось культурно-языковое контактирование русских с бурятами. В XVII – нач. XVIII в. бурятские племена, по данным ГАЧО, насчитывали 27 тыс. человек [1, 37]. По данным Миллера, «Одзонский род» жил раньше на притоках Онона, речках Тохтор и Очирка. По сведениям Нерчинской воеводской канцелярии, «Озонский» род кочевал около Онона по Мангуту, Акше и Иле, а для промысла ходил в верховья Ингоды [6, 348]. Как утверждает Б.О. Долгих, гуновский род пришел под Нерчинск в 1696 г., люди этого рода сначала жили под Нерчинском, а затем кочевали по Аге и Иле. Часть улят жила на Шилке, ниже Нерчинска, среди баягириков и дулигатов. Другая же часть, вместе с одженами-узонами обитала на Ононе и лишь в конце в XVII – нач. XVIII в. присоединилась к первым [6, 348].

Известный исследователь забайкальских русских говоров Л.Е. Элиасов отмечал высокий процент заимствований (более 90% от общего числа зарегистрированных местных названий) из автохтонных языков в топонимике Забайка-

лья, так как к «приходу русских большая часть мест, гор, рек, озер, ключей уже носила бурятские и эвенкийские названия» [7, 97]. Такими, например, являются топонимы Чита, Ингода, Акатуй, Балей, Борзя, Калга, Могойтуй и др. [8, 13–14]. А.П. Майоров, исследовавший региональный узус деловой письменности XVIII в. по памятникам Забайкалья [9], раскрывая специфику культурно-языковой ситуации сибирских регионов в XVIII в., в том числе и забайкальского региона, отмечает, что в тот период язык аборигенов усваивался русскими и из него в тот или иной региолект русского языка входили многочисленные автохтонные заимствования. Рассматривая заимствования из автохтонных языков, А.П. Майоров приходит к выводу, что, обозначая предметы и явления чужой культуры, автохтонные заимствования вместе с обозначаемыми реалиями довольно быстро становятся достоянием материальной и языковой культуры русского населения Забайкалья. Для русских, населяющих такой регион, по мнению ученого, эти заимствования не являлись экзотизмами. Так, например, наименования *ганза* (курительная трубка), *гуран* (1. дикий козёл, 2. коренной забайкалец, метис), *затуран* (чай с добавлением поджаренной муки), *камус* (шкура с голени копытных животных), *качерик* (телёнок по второму году жизни), *саломат* (каша из муки на жиру или топлёном масле), *тарасун* (молочная водка), *чебак* (меховая шапка), *яман* (домашний козёл или баран) и мн. др. прочно вошли в речевой обиход русских, проживавших в XVIII в. в Забайкалье, а сами реалии широко использовались в их повседневной жизни [9, 32]. Подобные слова, считает автор, выполняли обычную номинативную и коммуникативную функции, функционируя наряду с другими регионализмами как полноправные члены лексической системы региолекта – русского языка, функционирующего в Забайкалье XVIII в. [9, 36–37].

В настоящее время в русских говорах Восточного Забайкалья происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков, в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами.

В целом в связи с глобализацией ослабевает локальное межъязыковое влияние. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года [2, 44] буряты (70 457 человек) составляют соответственно – 6% всего населения региона, по сравнению с 1989 г. – 4,8% и 1994 г. – 5,4% [3, 79], наблюдается рост представителей бурятской национальности. Однако это происходит при 1 370 502 человека, идентифицирующих

себя русскими, что составляет 89,8% всего населения Читинской области [2, 44].

По данным Э.Д. Эрдынеевой, в настоящее время в русских говорах Забайкалья продолжает активно функционировать около 300 бурятизмов [10, 109]. Бурятизмы, вошедшие в активный пласт лексики русских говоров Восточного Забайкалья, либо выражают более конкретное понятие по сравнению с русскими названиями и одним словом могут заменять описательное наименование (например, *бухлер* – вареное мясо с бульоном, *бурун* – годовалый теленок, *кашерик*, или *качирик*, *хашерик* – бычок в возрасте от 1 года до 2-х лет, *даган* – двухлетний жеребенок, *иман* – домашний козел или баран, *инджиган*, *инжиган*, *инзаган* – козленок дикой козы), либо имеют экспрессивно-оценочный характер (например, *зундугло*, *зунтугло* – бестолковый человек, несмышленный ребенок, *дыген* – плакса). Они русифицированы, так как способны развивать переносные значения, (например, *зудырь* – 1. мусор, 2. неряшливый человек; *тымэн* – 1. верблюд, 2. глупый, упрямый человек; *сангин* – 1. чеснок, 2. вредный человек), образовывать словообразовательные гнезда (например, *бухлёр* – *бухлерчик*, *кашерик* – *кашеричок*, *инжиган* – *инжиганчик*, *жумбура* (суслик) – *жумбурушки*, *зундугло* – *озундуглеть*, т.е. поглупеть, *дыген* – *дыгентить* – капризничать, плакать и др.)

В сравнении с сибирскими диалектами именно бурятские и эвенкийские заимствования и представляют в русских говорах Восточного Забайкалья специфическую лексику забайкальского происхождения. Примечательно, что они функционируют в забайкальских говорах и севернорусского, и южнорусского происхождения, являясь их общим региональным лексическим фондом.

Влияние автохтонных языков на фонетическом уровне не имеет широкого распространения в русских говорах Восточного Забайкалья, оно встречается в отдельных районах давнего совместного проживания русских и бурят. Фонетическому иноязычному воздействию на забайкальские говоры посвящен ряд исследований. Так, О.Л. Абросимова в кандидатской диссертации описывает фонетическую систему русских говоров Ононского района, формировавшихся в условиях контактирования с бурятским языком.

Появление в исследуемых русских говорах фонемы [д'ж'] [*олган 'д'ж'а*], очень открытого звука [а,], выпадение гласных в предударных и заударных слогах ученый относит за счет влияния агинского говора бурятского языка Сохранение невогласных и непалатализованных шипящих фрикативных согласных также объясняет поддерживающим влиянием аналогичных черт, имеющих место в бурятском языке [11, 25].

Фонетическая система говора семейских Красночуйского района Читинской области в аспекте иноязычного влияния рассматривается в научных работах В.И. Копыловой, которая проводит сопоставление говора с родственными говорами Курско-Орловской группы южновеликорусского наречия, а также с родственными старообрядческими говорами на территории Белоруссии и приходит к выводу о том, что в условиях инодиалектного взаимодействия изучаемый говор сохраняет свою южновеликорусскую основу, которая была привнесена с территории первоначальной родины (территории распространения говоров Курско-Орловской группы, среднего и верхнего течения Дона) [12, 9]. Ученый также отмечает, что говоры испытали на территории метрополии старообрядцев русско-польское языковое влияние, о чем свидетельствуют употребление [р] твердого вместо [р'] (*грып*), отсутствие смягчения [к] после мягкой согласной, формы на -ы существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа (*домы*) [12, 9].

Таким образом, исследование современного состояния русских говоров Восточного Забайкалья показывает сохранение ряда диалектных различий, обусловленных их севернорусским или южнорусским происхождением, позволяет также говорить о сформированности некоторых общих для диалектов разных материнских основ региональных особенностей, развившихся под влиянием языков коренных жителей.

Список литературы

1. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья: Монография. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.
2. Читинская область в цифрах. Статистический ежегодник 2005: Статсборник. Чита. Чита: Читастат, 2005. 349 с.
3. Чипизубов В.И. Национальный состав // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 2 т. Т. 1: Общий очерк / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2002. 302 с.
4. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири (на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников). Ч. 1. Вып. 2. СПб, 1906.
5. Дамдинов Д.Г. О предках Гантимуровых, титулованных князей и дворян (по московскому списку). Чита, 2005. 94 с.

6. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 350 с.
7. Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья (на материале произведений устного творчества народов Сибири в советскую эпоху). Улан-Удэ, 1965. С. 96–103.
8. Федотова Т.В. Словарь топонимов Забайкалья. Чита: Поиск, 2003. 128 с.
9. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01. М, 2006. 45 с.
10. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. 124 с.
11. Абросимова О.Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1997. 26 с.
12. Копылова В.И. Фонетическая система говора семейских Красночикокойского района Читинской области. Улан-Удэ, 1973. 82 с.

CURRENT STATE OF RUSSIAN DIALECTS IN THE EASTERN TRANS-BAIKAL AREA FROM THE POINT OF VIEW OF THE FACTORS OF THEIR FORMATION

T.Yu. Ignatovich

Using the example of Russian dialects of Eastern Trans-Baikal area, the author considers the current state of particular dialect systems where dialect features of the parent dialect base are retained and specific regional features have formed.

Keywords: secondary Russian dialects, Northern Russian and Southern Russian features, influence of the languages of Eastern Trans-Baikal area's indigenous population.